Иван Алексеевич Бунин

МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ

Оригинал здесь: Электронная библиотека Яблучанского.

Прекрасные летние дни, спокойное Черное море.

Пароход перегружен людьми и кладью, - палуба загромождена от кормы до бака.

Плавание долгое, круговое - Крым, Кавказ, Анатолийское побережье, Константинополь...

Жаркое солнце, синее небо, морс лиловое; бесконечные стоянки в многолюдных портах с оглушающим грохотом лебедок, с бранью, с криками капитанских помощников: майна! вира! - и опять успокоение, порядок и неторопливый путь вдоль горных отдалений, знойно тающих в солнечной дымке.

В первом классе прохладный бриз в кают-компании, пусто, чисто, просторно. И грязь, теснота в орде разноплеменных палубных пассажиров возле горячей машины и пахучей кухни, на парах под навесами и на якорных цепях, на канатах на баке. Тут всюду густая вонь, то жаркая и приятная, то теплая и противная, но одинаково волнующая, особая, пароходная, мешающаяся с морской свежестью. Тут русские мужики и бабы, хохлы и хохлушки, афонские монахи, курды, грузины, греки... Курды, - вполне дикий народ, - с утра до вечера спят, грузины то поют, то парами пляшут, легко подпрыгивая, с кокетливой легкостью откинув широкий рукав и плывя в расступившейся толпе, в лад бьющей в ладоши: таш-таш, таш-таш! У русских паломников в Палестину идет без конца чаепитие, длинный мужик с обвисшими плечами, с узкой желтой бородой и прямыми волосами вслух читает Писание, а с него не спускает острых глаз какая-то вызывающе независимая женщина в красной кофте и зеленом газовом шарфе на черных сухих волосах, одиноко устроившаяся возле кухни.

Долго стояли на рейде в Трапезунде. Я съездил на берег и, когда воротился, увидал, что по трапу поднимается целая новая ватага оборванных и вооруженных курдов - свита идущего впереди старика, большого и широкого в кости в белом курпее и в серой черкеске, крепко подпоясанной по тонкой талии ремнем с серебряным набором. Курды, плывшие с нами и лежавшие в одном мосте палубы целым стадом, все поднялись и очистили свободное пространство. Свита старика настелила там множество ковров, наклала подушек. Старик царственно возлег на это ложе. Борода его была бела как кипень, сухое лицо черно от загара. И необыкновенным блеском блестели небольшие карие глаза.

Я подошел, присел на корточки, сказал "селям", спросил по-русски:

- С Кавказа?

Он дружелюбно ответил тоже по-русски:

- Дальше, господин. Мы курды.

- Куда же плывешь?

Он ответил скромно, но гордо:

- В Стамбул, господин. К самому падишаху. Самому падишаху везу благодарность, подарок: семь нагаек. Семь сыновей взял у меня на войну падишах, всех, сколько было. И все на войне убиты. Семь раз падишах меня прославил.

- Це, це, це! - с небрежным сожалением сказал стоявший над нами с папиросой в руке молодой полнеющий красавец и франт, керченский грек: вишневая дамасская феска, серый сюртук с белым жилетом, серые модные панталоны и застегнутые на пуговки сбоку лакированные ботинки. - Такой старый и один остался! - сказал он, качая головой.

Старик посмотрел на его феску.

- Какой глупый, - ответил он просто. - Вот ты будешь старый, а я не старый и никогда не буду. Про обезьяну знаешь?

Красавец недоверчиво улыбнулся:

- Какую обезьяну?

Ну так послушай! Бог сотворил небо и землю, знаешь?

- Ну, знаю.

Потом бог сотворил человека и сказал человеку: будешь ты, человек, жить тридцать лет на свете, - хорошо будешь, жить, радоваться будешь, думать будешь, что все на свете только для тебя одного бог сотворил и сделал. Доволен ты этим? А человек подумал: так хорошо, а всего тридцать лет жизни! Ой, мало! Слышишь? - спросил старик с усмешкой.

- Слышу, - ответил красавец.